

Нашествие Тимура Олигарховича

Виктор МАТИЗЕН

Игорь Масленников закончил работу над картиной «Тимур и его коммандос», героем которой является сын российского миллионера, получивший в Англии скаутское воспитание. Приехав в Россию, он с помощью папиных подручных бандитов начинает «тимуровскую» деятельность в окрестности отцовского имения. Беседа с режиссером началась с вопроса об окупаемости фильма.

— Я не думаю, что «Тимур...» окупится. Как и в почти всех странах, которые поражены американским кинематографом, российское кино не собирает денег. Национальный кинематограф остался только там, где он поддерживается государством. У нас, слава богу, государство привыкает к мысли, что оно должно безвозвратно тратить деньги на кинематограф. По-моему, уже привыкло больше, чем надо. Когда я закончил «Письма к Эльзе», то спросил в Службе кинематографии, когда и кому ее сдать. Они посмотрели на меня дикими глазами — такой практики уже нет. Дали деньги — и все, дальнейшее их не волнует. Но так возникает обоюдная безответственность — и со стороны тех, кто дает деньги, и со стороны тех, кто берет.

— А деньги как предмет изображения в кино вас интересуют?

— Даже очень. Я ведь приступаю к экранизации пьесы Островского «Волки и овцы». Этот драматург сейчас особенно актуален, потому что сегодня мы находимся примерно на той же стадии товарно-денежных отношений, которую застал он. Я хотел снимать «Без вины виноватые», но нам перебежал дорогу «Мосфильм» — запустил эту же пьесу по сценарию Ибрагимбекова и Данелии.

— Вы остроумно обошлись с повестью Аркадия Гайдара, но я не уверен, что нынешние дети это оценят, поскольку вряд ли его читали. В частности, ваша дочь Катя Масленникова, отобранная на главную роль, как вы уверяете, по результатам кастинга, честно призналась, что с повестью не знакома...

— Не важно, читали они книгу или нет. Мы лишь воспользовались ее материалом. Гайдар — хороший детский писатель, но повесть про Тимура, а особенно предвоенная ее экранизация, слишком милитаризованы.

— Ваш олигарх, пока мы его только слышим, аттестуется как «пирамидостро-

тель» и «ботает по фене», а когда появляется на экране уже под арестом, выглядит как вполне интеллигентный господин, похожий сразу на Гайдара-внука и Ходорковского.

— С Ходорковским сходство случайное, как и то, что фильм появился в год столетия писателя. Что касается Гайдара, то здесь, не скрою, мне показалось интересным, отталкиваясь от повести Аркадия Гайдара...

— ... дать отталкивающий портрет его внука?

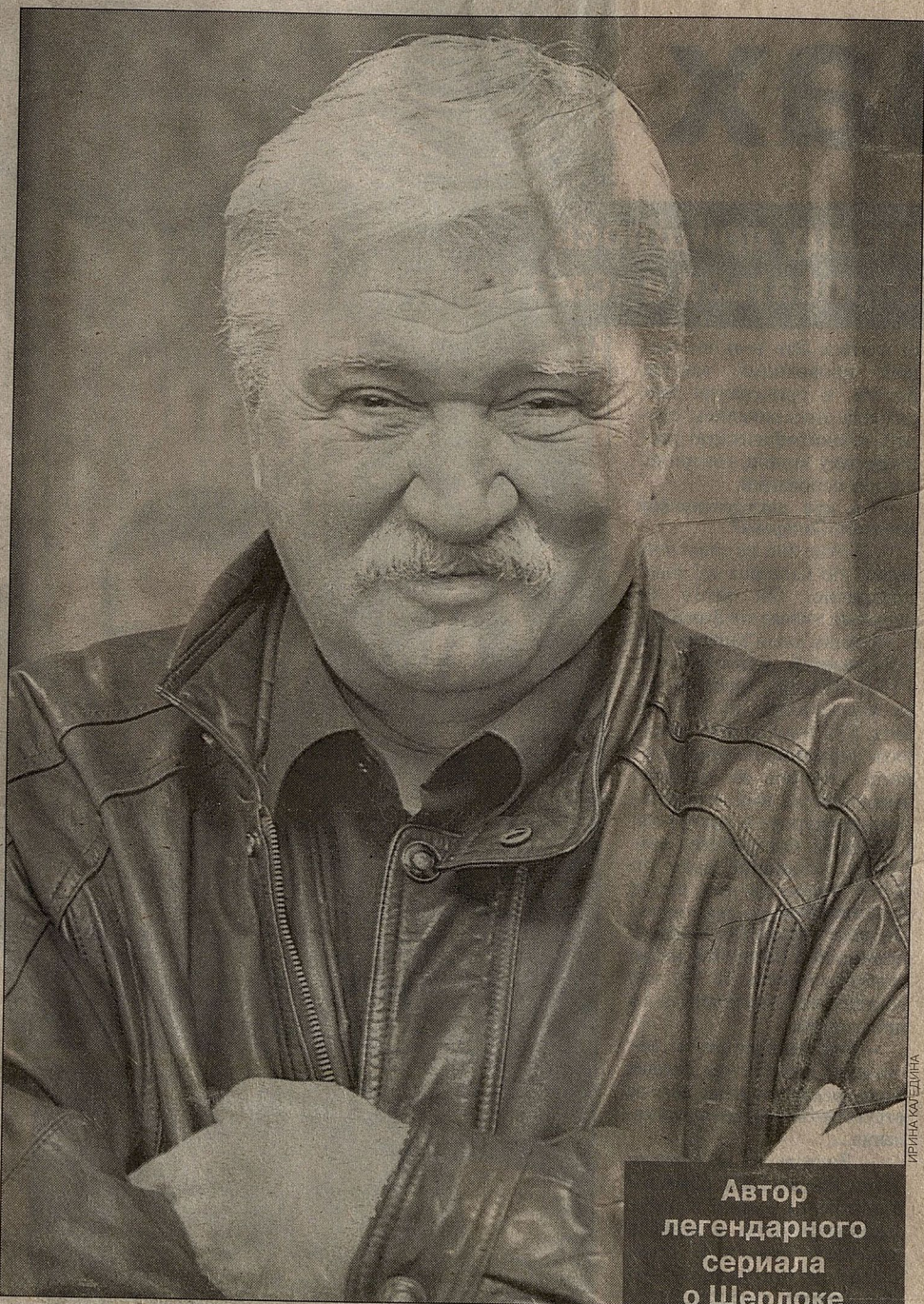
— Нет, что вы. Я не стремился вызвать особой неприязни к своему персонажу. Хотя не скрываю свое неодобрение тому, что сделали Гайдар и его чужайсовская команда.

— Ваш Тимур, такой же очкастый, как Гарри Поттер, целиком воспринял тот образ мысли, который привил ему английский воспитатель, и ничего не перенял от собственного отца. Думаете ли вы, что выученные за границей дети «новых русских», вернувшись в Россию, при-

несут нам гуманистические ценности?

— Не знаю. Я не грузю свою картину такими смыслами. Мне просто понравилась история про «английского мальчика», который вернул сюда идеи справедливости и превратил банду в скаутский отряд. Это все на таком комедийном уровне, что я даже затрудняюсь сказать, что тут главное. Может, только в том, что детям нужен здоровый коллективизм и нужны отряды типа пионерских, только без политической направленности. Что из этого получится в жизни, сказать трудно, но в пределах той фантазии, которую предложил сценарист Владимир Вардунас, а я развернул в зрелище, возможно все. Я никогда прежде не снимал такое кино — боялся. Да и сейчас боюсь — не знаю, как будет реагировать зрительская масса. Могу сказать одно: читая сценарий, я хохотал сам и хотел, чтобы этот смех передался вам.

— Если судить по «Шерло-

Автор
легендарного
сериала
о Шерлоке
Холмсе
не доволен
Михалковым-
средним
и не любит
Гайдара-внука

стой. Для меня главное, чтобы мои картины нравились зрителям. Зато фильма была абсолютно безыдейна. Уже потом, когда мы стали снимать, стали проклевываться какие-то идеи.

— Притом весьма иронические.

— Конечно! Я и своих студентов учу — снимайте с иронией, снимайте так, чтобы люди смеялись...

— Но ваш Тимур, нимало о том не подозревая, создает банду рэкетиоров, выколачивающую у соседей деньги на помощь погорельцу, которого она сама же и пожгла, а потом лечит байкера, которого сама же поломала. Судя по настрою картины, итоги деятельности вашего скаута на нашей почве позитивны, но если внимательно присмотреться к тому, что у него вышло, это совсем не так.

— Ну почему же? У меня Тимур перевоспитывает своих коммандос. Вернее, они сами перевоспитываются. Сначала обманывают его, а затем втягиваются в благотворительный процесс.

— С какой стати?

— С хорошего примера.

— Вы что, думаете, если бандитов заставить колоть дрова старушкам, они перестанут лущить старушек?

— В комедии такое допустимо. Зачем искать в ней логику?

— Зря вы «недовысмеяли» пионеров. Могли же показать, как пионерский отряд Мишки Квакина под руководством старой пионервожатой коммунистки экспроприрует новых русских и раздает их добро бомжам.

— Я их пожалел. У Вардунаса они были описаны как уголовники. Квакины, но в красных галстуках. Я так не могу — комсомольское прошлое не позволяет. В пору своей комсомольской молодости я был пионервожатым и получал от этого большое удовольствие. Жили интересной жизнью, занимались интересными делами... А сейчас занимаются черт знает чем. Ну как можно делать такие картины, как «Бригада»? Да еще хвалить их? Слепые люди...

— А «Бонни и Клайд» вам нравятся?

— Да. Романтический фильм.

— Но «Бригада» тоже романтична.

— Нет. Из нее вынута все человеческое содержание.

— Почему же? Белов любит жену, любит ребенка, у него есть понятие о дружбе.

— Вот и у меня бандюганы с человеческим лицом.

— Судя по тому, что вы начинаете новый фильм, вы оставляете пост первого секретаря Союза кинематографистов России?

— Я остаюсь простым секретарем СК, но не хочу быть наемным работником в загадочной должности первого секретаря. Не хочу играть роль благородного

старца, за спиной которого непонятно что происходит. А я именно спиной чувствую, что за ней что-то происходит.

— Помню ваш призыв к руководству СК расстаться с Угольниковым. Тогда вас не послушали, но к вопросу пришлось вернуться через полгода с большими моральными потерями...

— Угольников с самого начала смотрел на Дом кино как на свою вотчину. Как будто ему дали ЦДК в удел и на откуп. Вообще, московская практика привлекать в Дом кино удельных князей, вроде Гусмана и Угольникова, по-моему, порочна. Ни в Петербурге, ни в Екатеринбурге, ни в Ростове-на-Дону такого нет. Дом кино — всего лишь клуб Союза кинематографистов, и управлять им должен секретариат СК или худсовет. Хотя дело не в Угольникове, а в том, что Союз кинематографистов сознательно банкротят. Держат на голодном пайке, недокармливают, недоплачивают, недоиспользуют его ресурсы. Чтобы он все время был кому-то должен, кому-то обязан, кого-то постоянно благодарил за поддержку. Между тем мы вполне могли бы прожить без навязываемых нам банковских векселей. У нас так много имущества, что им надо лишь правильно распоряжаться, чтобы жить не в долг. Первого дельца, который пытался обанкротить СК, убрали, потому что он делал это грубо, с ломом. Теперь это делают более тонко, но суть не меняется. Я это понял, когда делал фильм. Мы снимали его в настоящем новорусском замке, и я спросил его хозяина, которому очень благодарен за разрешение на съемки, чем он занимается. Он ответил, что продает заводы. Я разинул глаза, и он пояснил, что сначала банкротит их, потом приобретает, а потом уже продает. Банкротит очень просто — ставит в зависимое положение, заставляет брать в долг, а затем предъявляет векселя.

— Но банк, который ссужает СК деньгами, принадлежит, как говорят, зятю председателя СК Никиты Михалкова. Михалкову в роли Паратова приходилось играть банкрота, и трудно поверить, что он хочет заслужить репутацию настоящего банкрота. Еще труднее поверить, что он хочет заслужить ненависть всех кинематографистов России, пустив с молотка имущество вверенного ему Союза.

— Не знаю. Видимо, он чего-то не понимает в людях или в ситуации. Я всегда был в него влюблен — изумительный режиссер, прекрасный актер, но сейчас у меня такое впечатление, что он превратился в олигарха и занят не искусством и не своими коллегами. Мы ему только мешаем...